

Голощапова Наталия Самуиловна

ПРОВЕРКА НА ИЗЛОМ

Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий – вечная память!

Вглядываюсь в портрет моей мамы Котовой Марии Константиновны. Ее не стало. Ушла из жизни в 85 лет в день своего рождения. Я жила с ней вместе почти всю жизнь. Мы знали друг о друге много. Как говорят, мысли друг друга читали. Но одна страница жизни – время раскулачивания и ссылки в Парбигский район Томской области, оставалась в забвении.

Мама пыталась время от времени что-то рассказать, но натыкалась на наше непонимание и нежелание слышать. И только в 90-е годы когда были приняты документы о реабилитации ссыльных кулаков, что-то стало касаться моего слуха. Сбор документов для подтверждения реабилитации открывал на многое глаза. Включалась в работу и голова. Как будто завеса упала с глаз. Сострадание, боль за родных людей, изгнанных из отчего дома, потерявших близких людей, переживших голод, холод, нищету и унижения, жгучее желание покаяться за свою глухоту и попросить прощения – вот что я начала чувствовать.

И, слава Богу, что не слишком поздно! Могу рассказать другим то, что узнала от мамы. Чтобы и вы знали. Зачем? А затем, что жизнь почти каждого человека загоняет в какой-то тупик. Когда небо кажется с овчинку. Идет проверка на излом. Выдержит тот, в ком есть стержень. Такой проверкой внутреннего стержня для моей мамы была ссылка. И это ей помогало жить дальше, поднимать нас, троих детей.

Предлагаю вам, дорогие земляки, воспоминания о тех теперь уже далеких годах.

Так, как они мне запомнились..

Так это начиналось.

Архивная справка.

«В документах госархива Кемеровской области о семье Котова К.Е. имеются следующие материалы.

Глава семьи – Котов Константин Ефимович, 43 года. Жена – Мария Ивановна, 41 год. Мать, 67 лет. Отец, 66 лет. Тетка, 71 года. Два сына, 13 и 18 лет. Четыре дочери: 1 год, 5 лет, 7 лет, 15 лет. Сын Александр, 21 год, с женой 22 лет и детьми 1 и 4 лет. Трудоспособных 5 человек. Проживали в с. Алчедат Чебулинского района.

В хозяйстве имели молотилку, сенокосилку, сеялку, жатку, шерсточеску, кузницу, дом, надворные постройки, хлеба в амбарах 300 пудов. Посевов 20,79 десятин. Всего скота – 36 (всех видов и возрастов). Прочую домашнюю мелочь – не указано.

Имущество все передано в колхоз.

Из протокола заседания Алчедатского избиркома, состоявшегося 24.01.29 года.

ПОСТАНОВИЛИ: Котова Константина Ефимовича, жену Марью Ивановну, сына Александра и его жену Марью лишить права голоса по ст. 15, п. «А».

На заседании райпятерки по экспроприации и выселению явно кулацких хозяйств, состоявшемся 15-18 мая 1931 года постановили: хозяйство Котова Константина Ефимовича признать явно кулацким и выселить.

Директор архива В.А. Чебукова».

Малая родина обернулась мачехой.

Военный в кожаной куртке пришел в дом с бумагой. Громко зачитал ее. Бабушка запричитала. Он велел молчать и через два часа освободить дом. Поднялась суета.

Отец сел на лавку, обхватил голову руками и сидел недвижимый. Мама металась по дому, хватала какие-то вещи, пыталась увязать их в большие узлы. Ребятишки плакали, сбившись в кучу на полатах. А бабушка забралась на лавку, снимая иконы со стены и читала молитвы. Дед открыл сундук и вытащил николаевские деньги. Большие такие. Начал распахивать за пазуху, в сапоги. Мне было страшно. Я не понимала, что случилось.

Как мы покинули дом, не помню. Старшего брата, как семейного, оставили в покое, в Алчедате. Второго брата в армию взяли, а третий сбежал и прятался. Отец купил в Мариинске какое-то жилье. Там мы начали жить. Но уже через месяц у нас и его отобрали. Сбили в один обоз 15 раскулаченных семей и повезли в Томскую область. Смутно вспоминаю грязную непроходимую дорогу, комаров, лес кругом. Небольшие остановки. И снова куда-то везут. Конвоиры на лошадях верхом. Мама с нами, детьми, на одной телеге, бабушка на другой, с поклажей. Тятя (так мы звали отца) и дедушка почти всю дорогу шли пешком.

На поселении.

Потом была зима. Деревня толи Осиновка, толи Комаровка называлась. Жили в землянке. Родителей на раскорчевку погнали. Мама черная от горя была. Старухой стала. Одни глаза на лице. Отец не разговаривал. Мама меня брала с собой в деревню, где жили местные, менять вещи на продукты. Кто муки сыпнет, кто картошек даст, а кто просто покормит. Осторожничали с нами – все-таки враги! – но помогали. Пока у самих было. Иногда без куска хлеба домой возвращались. Горсть муки, что выдавалась за работу, смешивали с семенами лебеды, еще что-то, чтобы больше было. Видела только, что родители тайком друг от друга свой кусок детям отдавали. Первую зиму я с младшими сестренками вместе с бабушкой сидела. Они меня няней звали. Сядут кружком вокруг стола. Поглядывают на лучик солнца, что сквозь отверстие в потолке проникал в землянку. И через минуту спрашивают: «Когда есть будем?» Бабушка им отвечала: «Вот дойдет лучик до черточки на столе, и будем». А что было есть-то? Лишь бы чем-то обмануть себя. На воду снег топили!

Смерть пришла – отворяй ворота!

Первым умер дедушка. Присел на корточках возле буржуйки (так называли маленькую железную печку, не знаю, откуда она у нас была). Погреться. Посмотрели, а он не дышит. Потом однажды утром бабушка не поднялась с постели. Родители уволокли ее на тряпке в лес. А тряпку-то домой принесли. Ею укрывались. Мама слегла. Подозвала меня к себе. Перекрестила. Наказала: «Выживи. На жизнь не злосья. И девчонок спаси. Ты сможешь!» И ее не стало. У меня даже слез не было. Мы с отцом – он уже еле ходил – дотащили ее до березового лесочка. Ямку в снегу сделали. Снегом засыпали... А через несколько дней уже мне с маленькими двумя сестренками пришлось и отца туда же уволочить на дерюжке... А потом по ночам слушали, как волки неподалеку выли...

Было ли страшно? Нет. Я ничего тогда не чувствовала. Казалось, что это не со мной происходит. А вместо сердца камень какой-то. Оупение и безразличие. Горе было в каждой землянке. За зиму столько народу перемерло! Хорошо, что люди нас не бросили. До весны как-то перебились.

Я осталась за старшую

Меня на разные работы направили в лес. Потом в колхозе и кули таскала, и землю лопатила. С сестренками весной за колбой ходила. Саранки выкапывали, медунки ели. Сладкие! Там крапива подошла. Заваривали кипятком, муки сыпали. Получалась болтушка. Напихивали в себя столько, сколько могли. А потом с животами мучились. И я научилась последний кусок младшим сестренкам отдавать. Что чувствовала? Голод! Это не объяснишь. Порой подступала та самая злоба, о которой мама предупреждала. Звериная. От непонимания. От обиды. От бессилия. Но мамыны слова помнила. И протягивала последний кусок младшим. Особенно маленькую Нину

жалко было. Глазищами большими смотрит, как маленькая старушка. Зажмет в кулачок кусочек, в рот толкает и причмокивает. А у меня аж голова кружится от голода и жалости.

Попала в больницу. Старенький доктор попросил, когда начала ходить, помогать ему. Я лекарства быстро запомнила. И никакой работы не боялась. Он уговорил коменданта оставить меня помощницей у него. Чуть легче стало. Рыбий жир спас меня и сестренку. Доктор разрешал мне лепешки на нем печь. Поручал разносить лекарства по местам, где люди работали, первую помощь оказывать. Осенью обещал в школу ликбеза определить, чтобы хоть грамоту знала. Я оживать начала. Рассмеялась как-то и сама испугалась. Отвыкла от собственного смеха. Мечтала на медичку выучиться. Может быть, так и было бы. Умер доктор... светлая ему память.

Не было бы счастья.

Тут к нам перед войной украинцев привезли. Тоже в ссылку. И им несладко пришлось. Хотя уже не на голую кочку приехали. В колхозы. Часть леса была раскорчевана, и что-то выращивали на этих полях. Многие работали на лесозаготовках. Украинцы всегда пели. Мы украинским песням у них выучились. Да и многому другому тоже. Они готовили хорошо. Борщ хоть и без мяса, но вкусный был! Вышивали. Рубахи на парнях холщевые, с яркими узорами. Красиво! А как женщины вязали! Задергушки у них на окна вышитые или выбитые были. На покрывала кружева пришивали. И платица старались с рюшечками шить, с белыми воротничками. Нас, молодых девчонок, просто заразили этим. Вечерами перед печкой, откуда свет падал, садились на чурочки, да и пока тлели последние угольки, вязали.

На вечерки бегали. Под гармошку матаню - матанечку (по-русски подружка, дружок) так в частушках разделявали! Сами сочиняли! Да не в бровь, а в глаз. Острые! Кто что за день подметит – вечером и расскажет в частушке. И про плохую работу, и про заглядывание на чужих парней. Молодые были. Жизнь свое брала. Плохое забывалось. И мне один чубатый из украинцев голову вскружил. Вскоре стали вместе жить. Его мать меня как родную дочь приняла. Сына от него родила, Бориса. Только и успела немного бабьего счастья узнать.

А тут война!

Мужчин на фронт выгребли! Моего Григория тоже взяли. Двух несовершеннолетних сестренку в начале войны в Кривошеково под Новосибирск забрали. Нас, женщин, да подростков, да стариков, на все работы поставили. Весной на коровах поля засевали. Лошадей-то тоже не хватало. Сено для скотины вручную готовили. Как зимой с полей вывозили – вспомнить страшно. На нас одежонка такая, что ветер по телу свищет. Лошади настолько замучены работой – впору их вытягивать на дорогу, а не сено на них с заснеженного поля.

Коровенку держали, чтобы как-то прокормиться. Правда, кроме обрата, ничего не видели. Налог в виде масла был. Сено по берегам рек, да по болотцам косили. После работы. Обремок накопишь, да и выносишь на себе, чтобы хоть копешку какую на зиму собрать.

Строгость была. Живой, мертвый – выходи на работу. У меня сынишка сгорал от скарлатины. Лекарств нет. Мечусь вокруг него. Не помню себя от горя. А комендант с плеткой. По сапогу постукивает, и грозит в каталажку запрягать, если не пойду на работу. Да опять же председатель колхоза заступился. Пошел со мной в медпункт. Получила разрешение около ребенка три дня побыть.

Похоронки последние силы подкашивали. Почтальона и ждали, и боялись. После войны домой в деревню в каждую вторую семью не возвратился отец или сын. К концу войны мужиков оставалось наперечет.

Я своего дождалась. Да только счастье от меня отвернулось. Украинцы получили право выезда на родину. Заметался Григорий. Домой засобирался. Матушка вокруг меня с ребенком причитает. А мне дорога заказана с ними. Под комендатурой я.

Паспорт не выписывают. Далеко не уедешь. Не расписана с Григорием была. Вот так второй раз по мне ссылка и ударила. Осталась одна с ребенком на руках. Ни одной живой души рядом, сестренки. С той поры и начала сесть моя голова.

Дом на берегу реки

Я уже в это время в деревню Новая Бурка перебралась. Там вашего отца и встретила. Крохина Семена Коныча. Мастер был на все руки, кузнец. В технике разбирался. В лесу хозяином себя чувствовал. На медведя ходил. Зимой зайцев, дичь домой нес. Рыбешку ловил. Помнишь, шкура медвежья у нас в доме была? По случаю твоего рождения подарок принес.

Решили мы с ним в Парбиг перебраться. Самуила брали работать в леспромхоз мотористом на катер. Речка-то судоходной была.

Но бывшим кулакам и тут в селе места не нашлось. В чигыне, в низинке, значит, на болотинке, отвели 15 соток леса и разрешили строиться. На это мы и внимания не обратили. Ты не поверишь, с какой надеждой раскорчевывали вековой лес под свой участок земли. Черемухи на берегу реки около дома оставили. Сруб за лето собрали, печку слепили. В зиму в свой домик и зашли. Пол земляной был, стены не штукатурены. Стол, топчаны вместо кроватей поставили. Ты навряд-ли это помнишь. Маленькая была. Игрушки – зверушек каких-то – отец тебе из глины лепил., да вместе с кирпичом и обжигал. Бориса с собой и на реку, и в лес брать стал. К делу приучал. Меня – Марусенькой, иначе и не звал. Вроде бы радоваться надо, а я боялась. Столько горя пережила! Не спугнуть бы счастья...

Понимала одно – ссылка закончилась. А дальше – хуже, чем было, не может быть. Остальное ты уж и сама помнишь. Только грех на душе моей - не упокоены души тяти и мамы, дедушки и бабушки. Даже и помянуть –то их негде было. Не по христиански это.

Да, остальное я помню сама. Детство в Парбиге прошло. Спустя годы посетили мы с братом и сестрой малую родину. В чигыне никто не живет. Весной там все заливают водой. Наш домик сохранился, хоть и разрушен. Поклонились до земли родному порогу, с которого началась наша самостоятельная жизнь.

В Новую Бурку проехали. Нет Комаровки, Осинки. Нет могил наших предков. И до сего дня их души не упокоены, не отпеты. Сколько таких душ в родном крае не предано земле? Сотни?! Но забыть их мы не можем. По-прежнему следуя завещанию, данному моей маме бабушкой: на жизнь не злится, помогать тем, кто рядом. Это дает силы жить и принимать жизнь такую, какая она есть.